

мне отвечали: «А, братушка! Ну пролази, пролази». Если же встречался русский патруль, я говорил по-сербски то же самое, что был у «дэвойки», а в ответ слышал: «А братушка! Проходи».

Я стал усиленно учить сербо-хорватский язык и это у меня довольно хорошо получалось. Мица мне всячески помогала. Она рассказывала мне пословицы, поговорки сербов и хорватов. Пела старинные песни, объясняла, что сербы и хорваты – один народ, и язык у них один, только одни пишут кириллицей и православные, а другие католики и пишут латиницей, и вот она – «хорватица». Но она знает и венгерский язык.

Постепенно я научился разговорному языку настолько, что однажды попал в неприятную историю из-за этого и с трудом из нее выбрался. А дело было так. Во втором часу ночи возвращался я в госпиталь. Мне уже повстречались советские солдаты из комендатуры и благополучно пропустили «братушку». Прямо напротив госпиталя две девочки и парень, местные «омладинцы» (комсомольцы) с ведерком белой краски писали на асфальте лозунги: фонари хорошо освещали площадь, а из открытого окна госпиталя смотрела дежурная медсестра на эту сцену. Я подошел к ним и заговорил, стараясь почище выговаривать сербские слова и, увлеквшись, не заметил патруля ЮНА (Югославской Народной Армии) – двух солдат и офицера. Они подошли и слушали наш разговор. Потом вдруг офицер обратился ко мне и спросил, почему я на улице в такое время, я отшутился, что, мол «вышел подышать воздухом». Офицер шутку мою не принял и приказал солдатам схватить меня и отвести в комендатуру. Тут уж я перешел на родной русский язык, а медсестра из окна закричала: «Мальчики! Это наш, больной! Куда вы его тащите?» Офицер же продолжал настаивать, чтобы меня отвели в комендатуру. Он говорил, что я «выучил